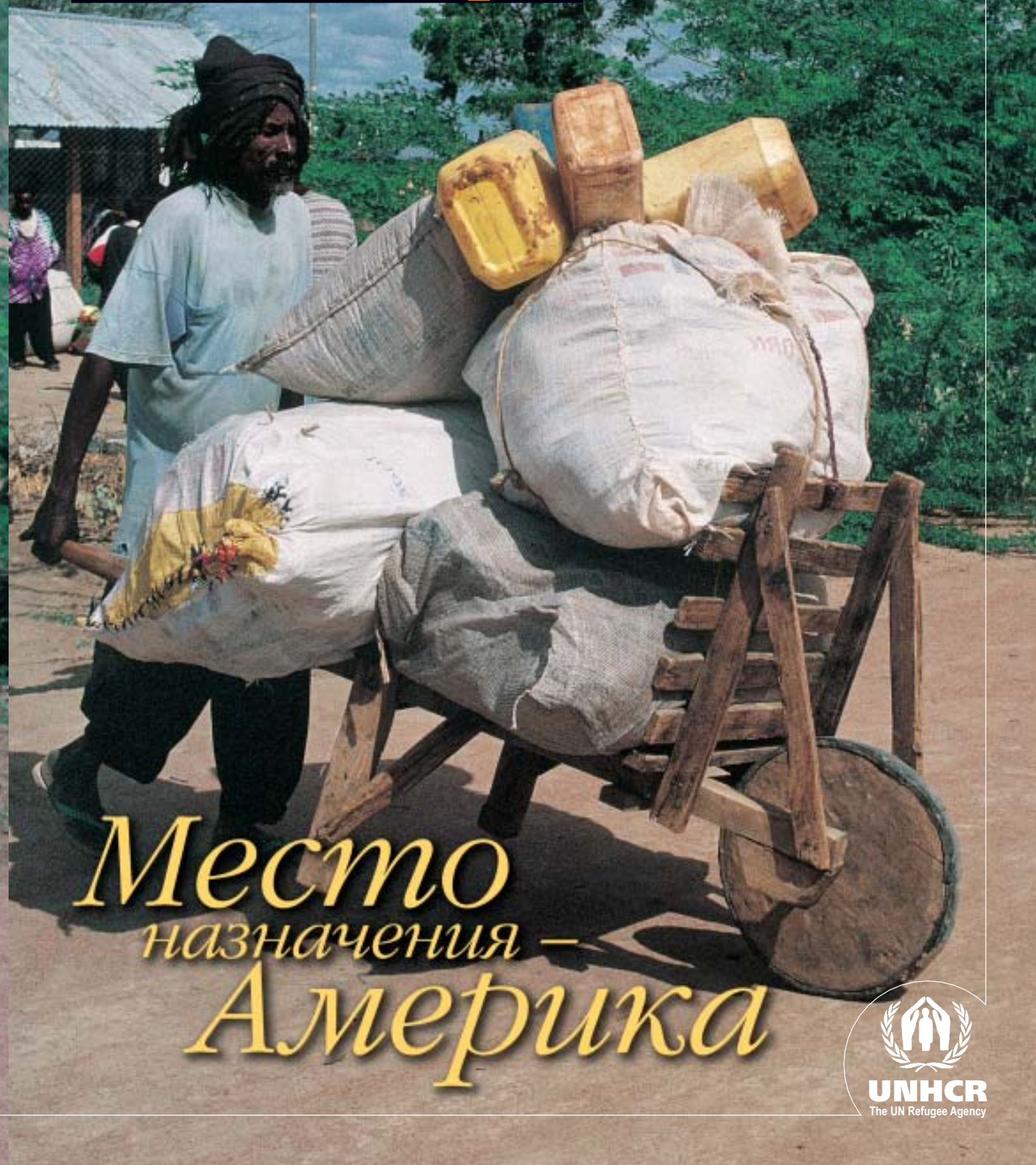

UNHCR/R. WILKINSON/CS-KEN-2002

БЕЖЕНЦЫ

Т О М 3 • № 1 2 8 • 2 0 0 2

*Место
назначения –
Америка*

Избранные счастливицы

Когда государство Сомали в начале 90-х годов XX в. захлестнула волна феодальных междоусобных войн, сотни тысяч мирных жителей, спасая свою жизнь, бежали из родных мест.

С тех пор некоторые из них вернулись домой, но многие так и остались беженцами, большей частью в

ся в ведении УВКБ ООН, которые по разным причинам не могут вернуться домой, независимо от положения в их странах.

Большую часть переселенцев традиционно принимают Соединенные Штаты, Канада, Австралия и Скандинавские страны, но все чаще к этому подключаются такие несхожие между собой государства, как Исландия, Бразилия и Бенин.

Переселение может рассматриваться как большое благо, но может носить и весьма политизированный характер. В разгар “холодной войны”, например, беженцев из стран советского блока демонстративно с распростертыми объятиями принимали на Западе, который также поддержал всемирную программу по переселению беженцев из Индокитая по окончании войны во Вьетнаме.

Обнадеживает то, что принимающие переселенцев страны в последнее время стали более гибко реагировать на нужды групп беженцев, на которых труднее нажать политический капитал, особенно беженцев из Африки.

Однако программы переселения, сколь бы необходимыми и своевременными они ни были, не могут обеспечить новое пристанище всем, кто имеет на это право. Живущие в кенийских лагерях Дадааб и Какума сомалийские беженцы, которые бежали от того же вооруженного конфликта, что и банту, наблюдают за процессом переселения последних с обидой и возмущением, и на их лицах застыл единственный мучительный вопрос: “А почему не можем уехать и мы?”

Сегодня банту стоят на краю пугающе глубокой культурной пропасти. Большинство из них не умеют читать и писать, не говорят по-английски. Это выносливые и трудолюбивые крестьяне, но ничего другого они не умеют, они ни разу в жизни не включали свет, не спускали воду в туалете, не переходили оживленную улицу, никогда не ездили на машине и не пользовались лифтом, они не видели снега и не имеют представления о кондиционировании воздуха.

Но, как сказал один из тех, кому посвящены ниже следующие материалы о банту, на фоне их истории и многих лет, проведенных в изгнании, предстоящий новый невероятный поворот судьбы – Америка вместо Сомали – означает для них выбор “между преисподней и раем”.

UNHCR / B. PRESS / CS-KEN-2002

соседней Кении, не зная толком, когда, если это вообще произойдет, они смогут без риска вернуться домой.

Однако небольшое число счастливицев скоро отправится в невероятное путешествие, и для них, выросших в нищете и полубандном положении, после долгих лет изгнания начнется совершенно новая, иная жизнь в Соединенных Штатах.

В течение десяти лет агентство ООН по делам беженцев пыталось найти новую страну проживания для примерно 12 тыс. так называемых сомалийских банту, предки которых были вывезены арабами-работорговцами с родовых земель и которые и на своей “новой родине”, в Сомали, вплоть до последней войны по-прежнему подвергались разного рода дискриминации и преследованиям и поклялись не возвращаться в эту страну, даже если там будет восстановлен мир.

Теперь, после того как уже две попытки переселить сомалийских банту провалились, Вашингтон согласился принять большую часть этой группы, которым осталось пройти осуществляемую в настоящее время окончательную проверку.

Семнадцать стран ежегодно принимают на постоянное жительство примерно 100 тыс. наименее защищенных из числа тех 12 млн. беженцев, находящихся

Редактор:
Рэй Уилкинсон

Авторы:
Линьмэй Ли, Эндрю Хопкинс,
Саша Чановф

Помощник редактора:
Вирджиния Зекрия

Фотоотдел:
Сьюзи Хоппер, Анна Кельнер

Макет-дизайн:
Vincent Winter Associés

Технический редактор:
Франсуаза Пейру

Отдел распространения:
Джон О'Коннор, Фредерик Тиссо

Карта:
Сектор картографии УВКБ ООН

Исторические документы:
Архив УВКБ ООН

Журнал "Беженцы" издается Отделом общественной информации Управления Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев. Взгляды, выраженные авторами, не обязательно отражают взгляды УВКБ ООН. Используемые обозначения и карты не подразумевают выражения какого-либо мнения или признания со стороны УВКБ ООН в отношении юридического статуса той или иной территории или ее органов власти.

Редколлегия журнала "Беженцы" резервирует за собой право редактировать все статьи перед их публикацией. Статьи и фотоснимки, не защищенные авторским правом, могут перепечатываться без предварительного разрешения. Просьба при перепечатке ссылаться на УВКБ ООН и на фотографа. Фотографии на глянцевого бумаги и дубликаты слайдов фото, не защищенные авторским правом ©, могут предоставляться только для профессионального использования.

Издания на английском и французском языках печатаются в Италии компанией AMILCARE PIZZI S.p.A., Milan.

Тираж на английском, арабском, испанском, итальянском, китайском, немецком, русском и французском языках – 224 тыс. экз.

На русском языке издается ЗАО "Интердиалект+", Москва; тел.: (095) 292-57-34.

Ведущий редактор: А. Рабинович
Редактор: Е. Архипова

ISSN 0252-791 X

На обложке: Сомалийские банту: курс на новую жизнь.
UNHCR/R. WILKINSON/CS-KEN-2002

UNHCR
P.O. Box 2500
1211 Geneva 2, Switzerland
www.unhcr.ch

БЕЖЕНЦЫ

№ 1 2 8 – 2 0 0 2

2 **ОТ РЕДАКЦИИ**
Избранные счастливыцы.

4 **ТЕМА НОМЕРА**
Сомалийские банту.
Последние дни в Дадаабе.

12 **История**
Дорогой рабства.

16 **Изгнание**
Десять лет в лагере беженцев.

22 **Поиск**
Попытки найти решение.

25 **"Другие" банту**
Вторая группа находит иное решение.

26 **Спасение**
Полет к свободе.

UNHCR/B. PRESS/CS-KEN-2002

4 Прожив всю жизнь в условиях феодальной зависимости, а потом 10 лет в качестве беженцев, почти 12 тыс. так называемых сомалийских банту готовятся к отъезду, чтобы начать новую жизнь в США.

UNHCR/R. WILKINSON/CS-KEN-2002

16 Женщина-банту плетет традиционную корзину у своего глинобитного дома в лагере в Кении, где она 10 лет прожила беженкой.

UNHCR/B. PRESS/CS-KEN-2002

26 После нескольких безуспешных попыток обрести новое постоянное место жительства банту делают первый шаг на пути к новой жизни в США.

СОМАЛИЙСКИЕ БАНТУ

Последние дни в Дадаабе

Воздух словно наэлектризован одновременно от радостного волнения и от страха. Семьи беженцев шумно теснятся вокруг стоящих в ряд шатких раскладных столов, отвечая на последние вопросы и сдавая мятые клочки бумаги – грязные и потертые, – которые в течение многих лет исправно служили им удостоверениями личности, продовольственными карточками и видом на жительство.

Здесь же многочисленная детвора: малыши либо подвязаны за спинами своих матерей, либо цепляются за их яркие цветастые платья, кричаще желтые, синие, красные и оранжевые.

Вот под деревом расположилась группа женщин. Они сидят на корточках, внимательно следя за происходящим и изредка обмениваясь репликами, а очередь тем временем медленно движется, проходя под навесом, жестяная крыша которого служит единственным укрытием от жгучего экваториального солнца.

Молодой человек с выражением отчаяния на лице подходит к каждому встречному *музунгу* (иностранцу) с одной и той же просьбой: “Мою сестру уже отобрали для отъезда. Мне отказали. Почему? Я должен ехать с

ней. Пожалуйста, помогите мне”. Он снова и снова кружит по территории лагеря.

Эндрю Хопкинс, сотрудник УВКБ ООН по вопросам переселения, который вот уже много месяцев вплотную занимается этой проблемой, внезапно обращается ко всем присутствующим, полагая, что нужно в очередной раз вновь все разъяснить, убедить и успокоить взволнованную толпу.

Местные полицейские в полевой форме и с винтовками старого образца несут караул в клубах красной пыли, которая поднимается от беспрестанного движения сотен людей.

За оградой из колючей проволоки, которой обнесена территория лагеря, немногочисленные группы других беженцев внимательно следят за происходящим, и на их мрачных лицах ясно читается немой вопрос: “Почему повезло им? Почему не нам?”

ВЫСОКИЕ СТАВКИ

Это типичная сцена, какую можно наблюдать в любой день в любом лагере беженцев в любой части мира.

Однако сегодняшнее событие можно считать в известной мере необычным, поскольку для людей, стоящих за колючей проволокой, на карту поставлено практически все.

В течение десяти лет сотрудники агентства ООН по делам беженцев пытались найти пристанище для тысяч людей, предки которых в XVIII–XIX вв. были насильно вывезены из центральной Африки и проданы в рабство и которые родились и жили в Сомали в условиях феодальной зависимости.

После развала государства в ходе кровавых событий начала 1990-х гг. они, как и сотни тысяч других мирных жителей, бежали в соседнюю Кению. Но и здесь, на бесплодных землях, отведенных под комплекс лагерей беженцев, известный под общим названием Дадааб, находясь среди людей, которые также потеряли свою страну, дом, семью и имущество, как говорят эти изгнанники, им так и не удалось уйти от своей исторической судьбы, поскольку даже тут соседи по лагерю продолжают обращаться с ними как с рабами.

Однако для этих людей, которых называют просто сомалийскими банту, скоро все переменится, причем самым кардинальным образом.

Сегодня – день “Д минус два”. Завтра, в день “Д минус один”, эти беженцы переберутся в транзитный центр, где переночуют, а ранним утром следующего дня, если ничего не случится в последнюю минуту, погрузятся в автобусы, а больные и беременные – в выдавший виды старый самолет “Андовер”. Это будет первый этап их удивительного путешествия из полубабского прошлого в будущее неограниченных свобод и возможностей.

По иронии судьбы, первая остановка будет тоже в лагере беженцев, называемом Какума, на северо-западе Кении. Он выбран по той причине, что Дадааб считается чересчур опасным местом для проверки и оформления столь большого числа людей. В Какуме банту будут проверены сотрудниками иммиграционной службы, пройдут медосмотр и ускоренный курс по культуре и обычаям страны назначения, а также получат инструктаж, который чиновники называют “основы выживания”, – как приспособливаться к жизни на новом месте.

В начале 2003 г. предстоит доставить самолетами почти 12 тыс. человек в большие и малые города Соединенных Штатов в рамках крупнейшей из когда-

либо осуществлявшихся за пределами Африки программ переселения.

Беженцам, которые переезжают в чужую страну, всегда приходится проходить серьезную культурную адаптацию. Но почти никогда культурный разрыв не был столь велик, как тот, что придется преодолеть сомалийским банту по пути в Северную Америку.

Все они до настоящего момента находились на положении крепостных в условиях феодального строя. Им чужды такие понятия, как демократический выбор и культурные свободы. Лишь немногие банту умеют читать, писать или говорят еще на каком-либо языке, кроме местных диалектов. Их придется учить простейшим вещам: как пользоваться электрическими выключателями, смывным туалетом, как обращаться с кухонной плитой.

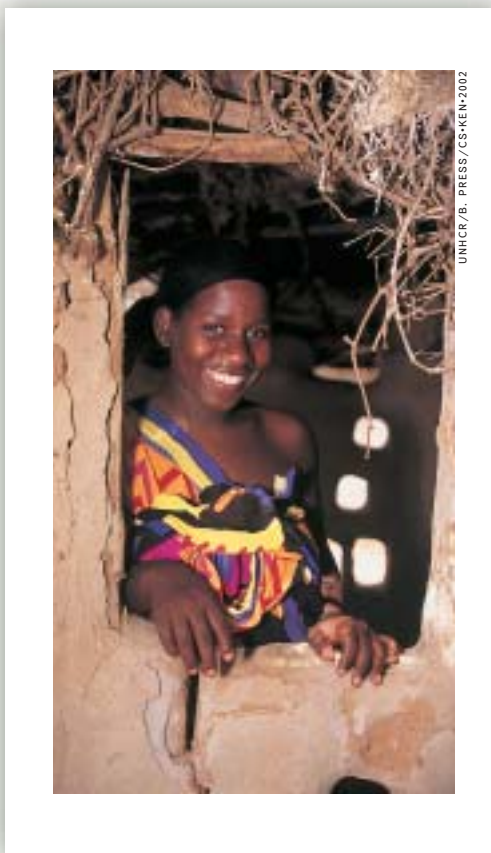
Банту живут в приземистых глинобитных хижинах. Большинство из них никогда не бывали в городе, и двухэтажные строения – это самые высокие здания, которые им доводилось видеть. Немногие ездили на машине, и совсем мало кто когда-либо летал самолетом. Они понятия не имеют, где находится Америка, какой там климат, что там едят, какие там школы и что представляет собой тамошний рынок труда.

С подкупающей наивностью банту не страшатся таких препятствий. “Возьмите нас в Америку. Мы сумеем приспособиться”, – уверенно говорит группа старейшин инспектору.

Иная альтернатива представляется им ужасной, осо-

бенно теперь, когда до неожиданно доставшегося им сказочного приза рукой подать. Тех беженцев в лагере Дадааб, которым было отказано в переселении или вообще не была предоставлена возможность пройти отбор (а таких большинство), ждет безрадостное будущее. Им предстоит провести еще не один год в кишасе мухами лагере беженцев или, если Сомали когда-нибудь вновь станет единым государством, их ждет возвращение к мучительно тяжелому существованию в одном из беднейших и самых неприветливых регионов мира.

Люди по обе стороны колючей проволоки прекрасно осознают сегодня эту колоссальную разницу,

равно как и то, что жребий уготовил им совершенно разное будущее.

РОСТ НАПРЯЖЕННОСТИ

День “Д минус один”. Еще до рассвета банту, внесенные в список тех, кто на следующий день отбывает в Америку, выстроились в организованную очередь – кто стоит, кто сидит – у транзитного центра. Вокруг много полицейских.

Беженцы собрали и аккуратно сложили вдоль ограждения из колючей проволоки свои скудные пожитки, которые им понадобятся на первом отрезке путешествия, – кастрюли и сковородки, желтые и белые канистры, постельные принадлежности, а кое-кто и старые велосипеды.

Семьи поочередно пропускают за ограждение, где они проходят еще одну, “окончательную”, проверку, после которой им предстоит провести ночь на голом земляном полу бараков для транзитных переселенцев, стены которых сделаны из обтянутых мешковиной ивовых прутьев, а крыша – из жести.

Обстановка накалена до предела. Тысячи людей не из числа банту в последние несколько месяцев пытались незаконно пройти проверку, подкупая и запугивая законных кандидатов и пускаясь во все тяжкие, чтобы протаскать своих родственников. Некоторые из них продолжают рыскать вокруг транзитного центра, понимая, что гарантированное место в заветном списке является бесценным для любого беженца, который провел не один год в подобном месте.

Чтобы предотвратить беспорядки, лагерь по периметру обнесен двойным ограждением из колючей проволоки, установлены дополнительные прожекторы; охрана осуществляет круглосуточное патрулирование.

Сомалиец грозит убить банту: видимо, кому-то из его родственников отказали в переселении. Драка была пресечена.

Проведя годы в атмосфере оупляющей неопределенности, банту теперь хотят просто вырваться из Дадааба. Один старик очень развеселил своих друзей, рассказав им кошмарный сон, который увидел накануне: «Мне снились высокие здания, потом автобусы, в которые садились лю-

ди. Они уезжали без меня. Я проснулся, растолкал спящую жену и сказал: “Все уезжают. Бежим и мы отсюда”».

Напряженный и утомительный процесс оформления продолжался весь день, пока не раздался экстренный телефонный звонок из Какумы. Там произошел инцидент. По крайней мере один кениец был застрелен в

столкновении с полицией и сотрудниками лагеря, причиной которого стал бытовой конфликт. Принято решение отменить завтрашний переезд банту в Какуму. Надеются, что всего на пару дней.

Созывается совет старейшин. Об отсрочке переезда сообщают ожидающим новостей банту. В последнюю минуту они должны покинуть хорошо охраняемый транзитный центр и разойтись по домам (часть которых уже снесена ввиду их отъезда), где им придется вновь общаться с потенциально враждебными соседями и ждать распоряжений.

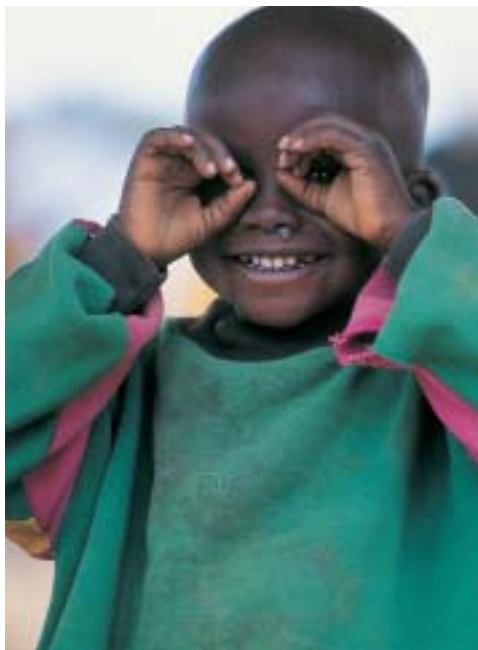
Люди вспоминают террористические атаки на Соединенные Штаты 11 сентября, известия о которых просочились даже в запруженные людьми проулки Дадааба. Беженцы прекрасно понимают, что эти атаки нанесли серьезный удар по иммиграционной политике Америки, в соответствии с которой в этом году она приняла бы на постоян-

ное жительство не менее 70 тыс. беженцев. Не окажется ли это серьезным препятствием, горьким примером того, о чем говорят “близок локоток, да не укусишь”?

“Да, мы слышали об этих событиях, – говорит 40-летний Мохаммед Яроу, бывший крестьянин, который вел натуральное хозяйство с женой и пятью детьми. – Нас беспокоит, как бы эти события не разрушили нашу мечту”.

Пятидесятидвухлетний Мусса Кумула Мохаммед, частично парализованный в результате нападения сомалийских боевиков в период развала страны, говорит, что никогда, ни при каких обстоятельствах не вернется в Сомали. Но, как многие банту, он настроен оптимистично, поэтому, услышав последние новости, лишь пожимает плечами: “Мы ждали отъезда так много лет, что можем потерпеть еще несколько дней. Не стоит отчаиваться”.

И он хромя побрел к своему брошенному дому из необожженного кирпича, размышляя, что же сулит ему будущее на этот раз.

Убогие пожитки.

Рассмотрение началось.

В очереди к новой жизни.

UNHCR/B. PRESS/CS-KEN-2002

**Продовольственные
карточки** — самый
ценный для беженца
документ.

UNHCR/B. PRESS/CS-KEN-2002

Дорогой рабства

Несколько веков назад в Африке в ходе крупнейшего миграционного процесса люди, говорящие на языках банту, перемещались из западных и центральных районов континента на восток, в район Африканского Рога, а также на юг. Их путь пролегал через территорию современных Танзании, Мозамбика и Малави.

В XVIII и XIX вв. арабские работорговцы с мушкетами и бичами в руках грабили эти южные области, захватывая в плен и переправляя бесчисленное множество банту – мужчин, женщин и детей – через большой невольничий рынок в Занзибаре в регион Персидского залива и Ближнего Востока.

Для некоторых из невольников конечным пунктом становилось Сомали, однако не имеющие письменности современные сомалийские банту сохранили лишь отрывочные воспоминания о своей ранней истории, о которой они знают из песен, танцев и устных преданий.

Как рассказывают банту из лагеря Дадааб, поначалу арабы пытались соблазнить аборигенов посулами лучшей жизни и только потом прибегли к грубой силе. В то время повсюду царил голод, а работорговцы, впервые давшие им отведать фиников, обещали привести их в землю, где много еды и работы.

Во многих из этих сказаний упоминается Саид Беркаш, один из главных работорговцев.

Вскоре посулы и уговоры сменил бич, и из того жестокого времени до нас дошли обрывки песен. Рефрен одной из арабских песен звучит так:

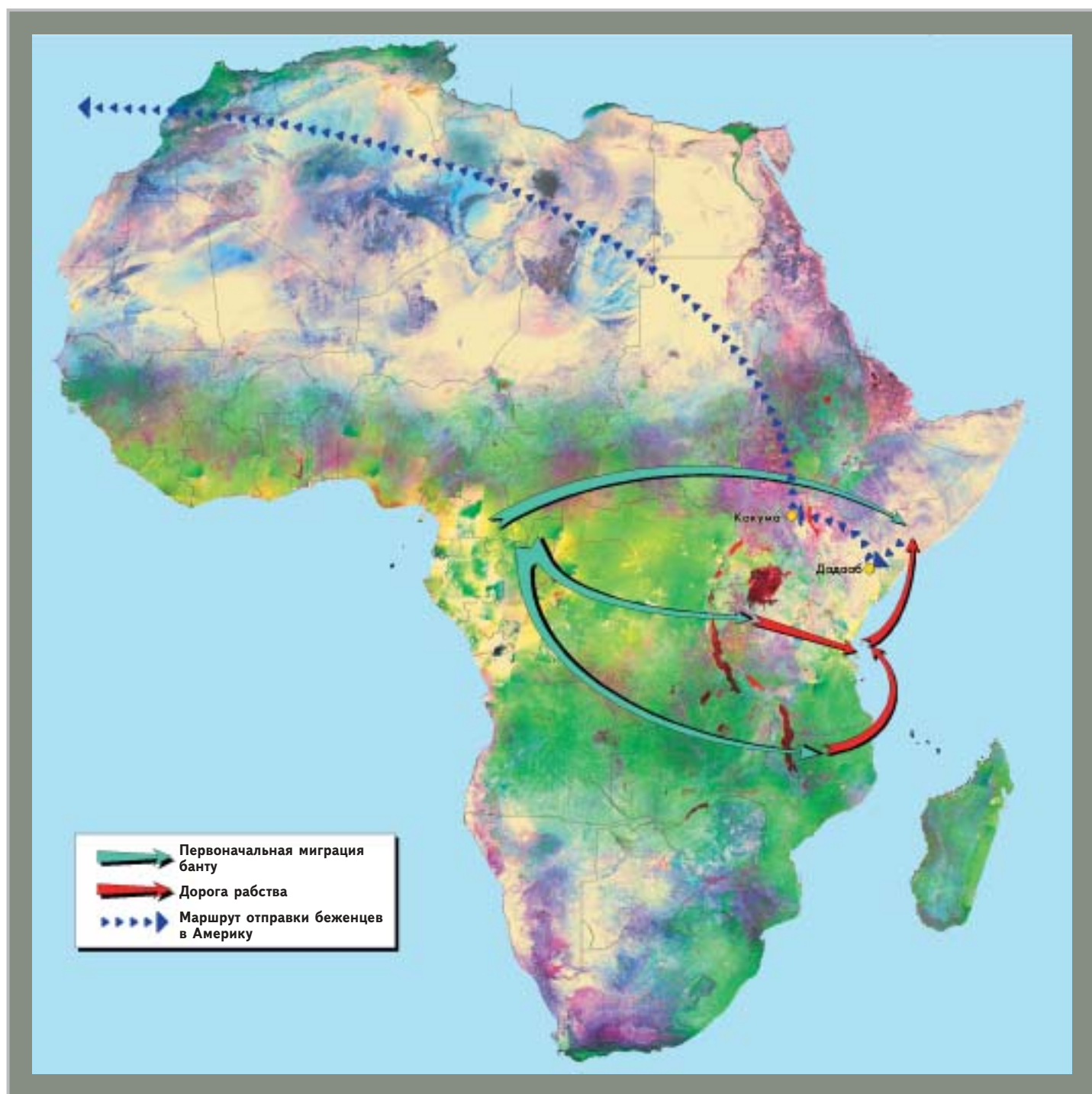
Вот наши рабы,
Они должны работать на нас,
А мы должны их сторожить,
Не дать им убежать и объединиться –
Ведь в этом их сила.

Рабы, в свою очередь, пели на своем диалекте, которого не понимали работорговцы:

Мы молим Бога вызволить нас из рабства,
Мы молим Бога перевести нас в более пригодное для жизни место.
Пусть Господь защитит нас,
А вас ввергнет когда-нибудь в рабство,
Какое вы уготовили нам.

Рабов, происходивших главным образом из племен юго-восточной части Африки, в том числе из племен яо, макуа, ньянджа, нгидоно, зигуа и зарамо, расселяли в Сомали в основном на равнине в нижнем течении реки Джуба.

В колониальную эпоху рабы со временем получили некоторую свободу, но с ними продолжали обращаться как с гражданами второго сорта, в отличие от тех банту, которые прибыли сюда с самыми первыми миграционными потоками и к тому времени уже полностью интегрировались в сомалийское общество.

Две эти группы и теперь сохраняют культурные, языковые и очевидные физические различия. У сомалийцев более светлая кожа, более тонкие черты лица и сухощавое сложение в отличие от банту, темнокожих, крупных, круглолицых, с более тяжелыми чертами лица. Обе группы всегда держались особняком, не было и смешанных браков. Банту запрещалось отправлять своих детей в школу, они не имели доступа почти ни к каким формам землевладения и были лишены политического представительства.

Им были недоступны офицерские должности в армии и полиции. Старшие банту вспоминают, что в автобусе сомалийцы насмехались над ними: “От вас воняет. Убирайтесь прочь”. Несмотря на их трудолюбие, они выполняли самую черную и непрестижную работу, в основном в сельском хозяйстве, и лишь немногие владели какой-либо собственностью. Поистине ирония судьбы: можно найти много общего между жизнью сомалийских банту и участием рабов на юге Соединенных Штатов до 60-х гг. прошлого века, когда движение за гражданские права изменило там ход истории.

Излюбленная мишень

Все мирные жители Сомали страшно натерпелись от рук вооруженных бандитов, входивших в состав различных кланов, когда страна распалась после свержения в 1991 г. бывшего диктатора Мохамеда Сиада Барре. Сомалийские банту, которые известны под общим названием *мушунгули* (что переводится как люди-рабы), стали

излюбленной мишенью для мародеров: презируемые и беззащитные, они тем не менее нередко имели необходимые запасы продовольствия.

Как-то в 1992 г. пятеро вооруженных бандитов навесились в 8 часов утра на небольшую ферму Мохаммеда Яроу и потребовали у хозяина денег. Когда он сказал,

что у него есть лишь горшок фасоли, которая варится на очаге, они сорвали с него одежду, связали его и грозились убить. Но не убили, а сорвали с его жены одежду и изнасиловали на его глазах. Пытавшегося вступиться соседа застрелили.

В конце концов бандиты ушли, но Мохаммед Яроу запретил жене развлекать его вплоть до следующего дня, опасаясь, что головорезы вернутся и убьют всю семью.

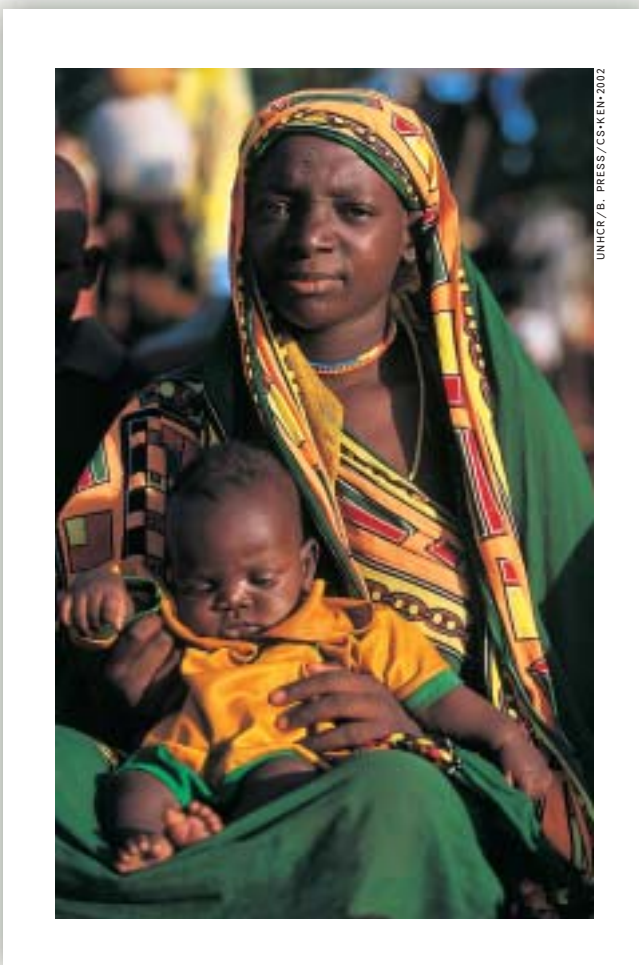
Не одну неделю скитались они потом по деревням, побираясь и роясь в мусоре в поисках объедков, пока, наконец, не добрались до Кении.

В том же году другая группа бандитов напала на родной город Абдуллахи Али Ахмеда в провинции Джуба. “Мы были удобными мишенями для боевиков всех враждующих группировок, – сказал он. – Мы не принадлежим ни к какому клану, который мог бы нас защитить, но у нас есть продовольствие. У меня на глазах за-

стрелили примерно 20 человек. Трое были моими родственниками”.

“Мне удалось бежать, но я остался без еды, одежды и денег”, – вспоминает Абдуллахи. Четыре дня он брел по дороге, прося милостыню, и видел, как прямо на обочине умирают старики и дети, так и не дойдя до границы Кении.

Тысячи *мушунгули*, которые могли бы рассказать истории, во многом схожие с историей Абдуллахи, в конце концов добрались до Кении. И хотя им удалось спастись от террора в Сомали, это было лишь началом нового этапа их жизни в нищете и убожестве.

UNHCR / B. PRESS / CS-KEN-2002

В тревожном ожидании: удастся ли начать жизнь заново?

Жизнь в изгнании

По словам Фатумо Арбо Амбар, ей 70 лет. Ее лицо испещрено глубокими морщинами, из-за чего она выглядит еще старше, но при виде неожиданно появившегося гостя она вскакивает с толстой деревянной скамьи перед ее домом и начинает барабанить по ней, выстукивая мелодию народного танца и приветствуя таким образом незнакомца, к немалому удовольствию соседей.

Ее муж умер в 1990 г., незадолго до того, как Сомали захлестнула война. Вслед за ним один за другим ушли восемь ее детей: четверых убили во время “беспорядков”, остальные четверо умерли от болезней.

Теперь она должна практически в одиночку содержать девятерых внуков. Эта необычная группа – престарелая бабушка и ее внуки в возрасте от одного года до 30 лет – имеет на руках билеты, с которыми через несколько месяцев они смогут совершить невероятное путешествие в Соединенные Штаты.

А пока домом им служит традиционная глинобитная хижина размером 9 на 6 футов, в которой помещаются скудная кухонная утварь и большая шаткая кровать.

Многие, как и Фатумо, бежали, не успев прихватить практически ничего, кроме помятого старого чемодана,

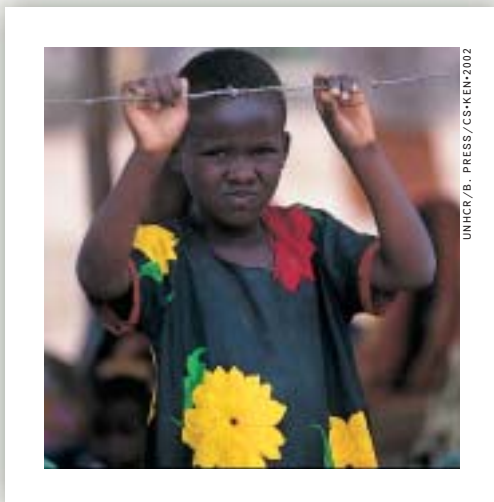
нескольких кастрюль, сковородок и кое-каких постельных принадлежностей. Подавляющее большинство из них ожидают или просто надеются, что смогут вернуться домой через несколько недель или месяцев, как только чрезвычайное положение в их стране будет урегулировано. Однако многим из них, возможно, предстоит провести на чужбине всю оставшуюся жизнь.

Массовый исход сомалийцев обернулся тем, что на официальном языке называется затянувшимся кризисом, а точнее – кризисом, конца которому не видно.

Когда в начале 1990-х гг. тысячи, а затем и десятки тысяч сомалийцев хлынули в Кению из своего разваливающегося государства, перед правительством в Найроби, согласовывавшим свои действия с УВКБ ООН, встала

сложная проблема – как разместить этот людской поток.

В таких обстоятельствах обеспечение безопасности неизменно становится предметом серьезной озабоченно-

UNHCR/B. PRESS/CS-KEN-2002

сти. Неожиданный наплыв огромного числа людей может дестабилизировать обстановку в самих принимающих беженцев странах, особенно если в их ряды затесались вооруженные бандиты, как это было в Сомали или спустя несколько лет в Руанде.

Необходимо оградить местное население, его рабочие места и хозяйства. В то же время беженцам нужно обеспечить основные коммунальные услуги, такие как водоснабжение и жилье. Выработка сбалансированного подхода с учетом всех этих факторов требует тщательно продуманного компромисса.

Кения создала ряд лагерей беженцев близ побережья Индийского океана и еще один центр – неподалеку от деревушки Дадааб в дикой полупустынной местности, где встречаются лишь небольшие затерянные в песках поселения, обитают кочевники, верблюды и козы, а летом стоит испепеляющая жара.

ГОРОД БЕЖЕНЦЕВ

Со временем Дадааб сильно разросся, и там появились три отдельных лагеря, растянувшихся по равнине на многие мили, в которых жили 120 тыс. человек, главным образом сомалийцы и сомалийские банту. Так возник настоящий город беженцев не только с обширной инфраструктурой по оказанию помощи беженцам, но и с собственными барами, гостиницами, школами, медпунктами, банками, рынками, мобильной телефонной связью и мелкими фермерскими хозяйствами.

Эта территория стала для беженцев домом или, как некоторые из них предпочитают ее называть, “тюрьмой” на целое десятилетие. Их жизнь – отупляющее существование, которое они влечат в одном из самых суровых и негостеприимных мест на земле. Повседневная жизнь здесь строго регламентирована, и скука стала образом жизни (несколько предприимчивых дельцов наладили прием спутникового телевидения, и во время трансляции матчей последнего чемпионата мира по футболу немногие сомалийские банту, имевшие доступ к небольшому телевизору, в ожидании переезда на новое место жительства демонстративно болели за команду США).

Беженцы не могут покидать пределы лагерей без специального разрешения. Как и все ее соседи-беженцы, Фатумо выживает благодаря раздаче бесплатного продовольствия. Пакет состоит из небольшого количества

кукурузы, растительного масла, сахара и некоторых специй. Тем не менее, несмотря на свой возраст и трудную жизнь, Фатумо – прирожденная актриса, вопреки всему сохраняющая жизнерадостность. Все, что она говорит, сопровождается выразительными жестами. “Это от голода”, – посмеивается она, дергая себя за отвисшую кожу на иссохших руках и заходясь в кашле.

Если ей или еще кому-нибудь из беженцев нужно купить немного овощей (обычно не очень свежих) или мяса, они могут это сделать на местном рынке. Каждый день она таскает ведра с водой из общинной водораз-

UNHCR / B. PRESS / CS-KEN-2002

борной колонки на расстоянии в полмили более состоятельным сомалийским соседям-беженцам. Сидя перед своей хижиной, она плетет традиционные циновки. На каждую уходит 10 дней, и за нее на местном рынке дают эквивалент 3 долл. США.

Другие банту зарабатывают по несколько кенийских шиллингов, выполняя черную работу. Одни копают ямы под отхожие места. Другие чистят котлы и кастрюли в “ресторане” при местном рынке, шьют одежду на стареньких машинках “Зингер” в шумных переулках или помогают строить дука (магазинчики).

Стремясь хоть как-то упорядочить свою хаотичную жизнь, банту под руководством 27-летнего Абдуллахи Али Ахмеда составили проект собственной “конституции”. Абдуллахи стал редким исключением – преуспевший беженец, который за 10 лет, проведенных в лагере, самостоятельно выучил английский язык и стал кандидатом в генеральные секретари общины банту в Дадаабе.

В этой конституции, в частности, гарантируется “обеспечение стабильности и согласия в общине, поддержание правопорядка и соблюдение прав человека”.

В конституции также провозглашается “политика нулевой толерантности” в целях искоренения коррупции, содействия защите “суверенитета” общины от влияния извне, укрепления связей с государственными органами и такими организациями, как УВКБ ООН, в интересах сомалийских банту. Любые политические меры должны осуществляться лишь после широких консультаций с членами общины.

Однако, по словам банту, с тех далеких времен, когда они оказались в Сомали, неизменным осталось одно – сложившаяся социальная иерархия.

В лагере, как правило, банту работают на более богатых сомалийских беженцев, нередко получая плату за свой труд не деньгами, а натурой, покупки же они могут делать только в установленных местах на рынке. И даже там, как утверждают банту, они сталкиваются с несправедливым отношением. “Все магазины принадлежат сомалийцам, и они устанавливают на товары три цены, – объясняет один из них. – Одна цена – для сомалийцев, другая – для музунгу (иностранцев) и третья – для банту”.

По словам банту, сомалийцы по-прежнему считают, что те должны “знать свое место” в лагере и быть последними в очереди за водой, за покупками или на автобус.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ОПАСНОСТЬ

Насилие представляет постоянную угрозу. Два года назад, когда молодая жена полупарализованного Муссы Кумулы Мохаммеда собирала дрова за пределами лагеря, ее изнасиловали пять мужчин. Сексуальное насилие стало в Дадаабе обычным явлением и совершается независимо от этнической принадлежности жертвы. Все женщины ежедневно подвергаются одинаковой опасности, но, по словам банту, жертвами становятся чаще всего они.

Общины возвели вокруг своих домов ограждения из длинных и толстых колючих ветвей, которые обеспечивают хоть какую-то защиту. Были улучшены освещение

и планировка лагерей, и УВКБ ООН осуществляет доставку некоторого количества дров непосредственно беженцам, с тем чтобы уменьшить число сексуальных нападений за пределами лагерного комплекса.

Каждый из трех лагерей в Дадаабе разделен на кварталы. Группы семей банту строят свои дома на специально отведенных для этого участках вокруг общих дворов, при этом многие дома украшены яркими изображениями цветов, животных и абстрактными мотивами.

На границах этих кварталов дома банту и сомалийцев стоят бок о бок, и тукулы – круглые сомалийские постройки из веток и кусков пластика – резко контрастируют с глинобитными мазанками банту.

В течение десятилетия с трудом, но все-таки удавалось поддерживать между двумя общинами перемирие, лишь иногда нарушавшееся вспышками насилия, однако по мере приближения

дня отъезда трения становятся все заметнее.

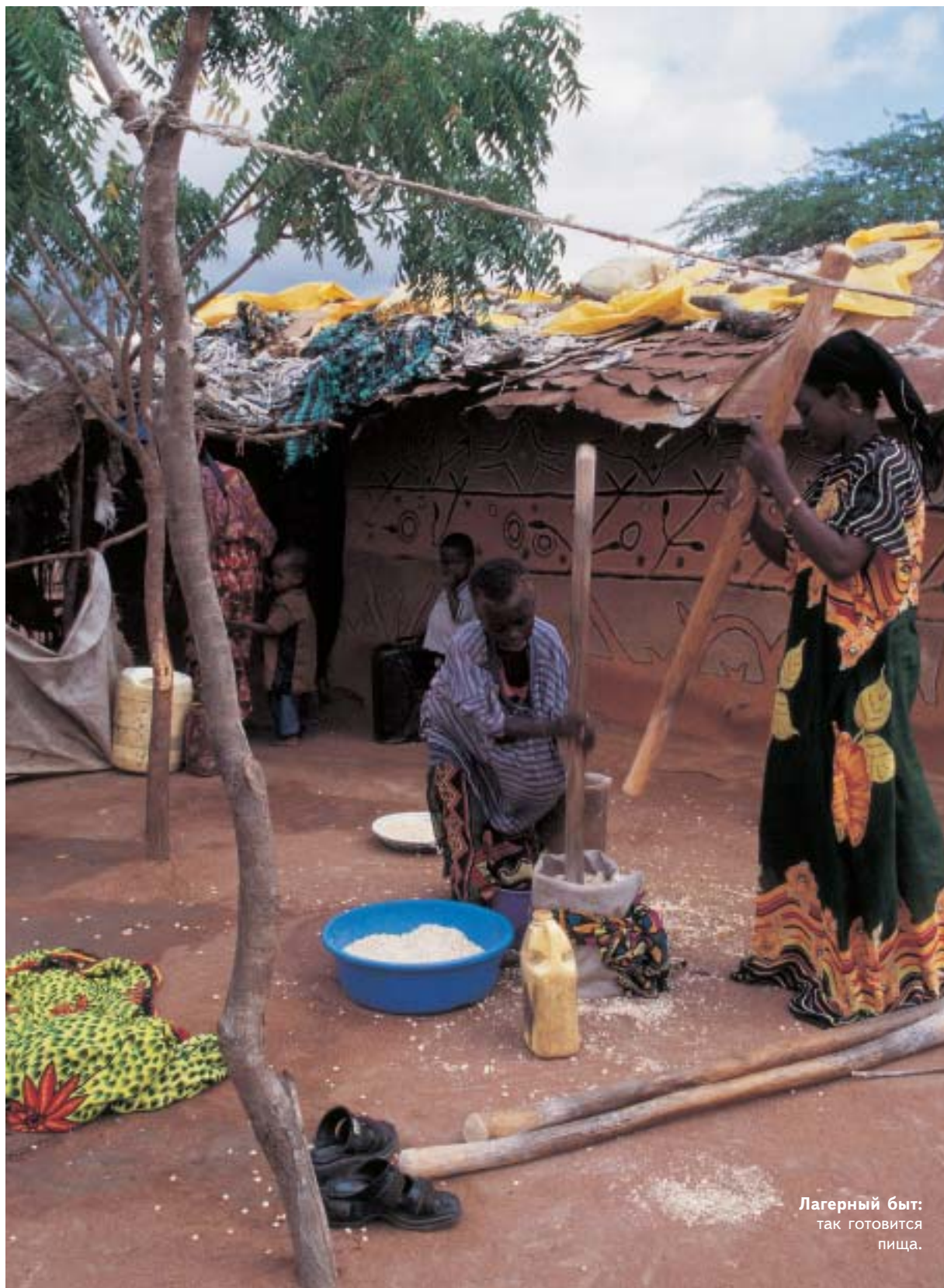
Сомалийцы возмущены тем, что банту, которые на родине считаются людьми второго сорта, вытянули, пожалуй, самый счастливый билет, о котором может мечтать беженец: новую жизнь в развитой стране. Встречая сотрудника УВКБ ООН на узких улочках лагерей, сомалийцы провожают его недоуменными и недобрыми взглядами и иногда вкрадчиво спрашивают: “А почему и мы не можем поехать в Америку?”

Они считают себя дважды пострадавшими: в первый раз, когда они, как и банту, спасались от насилия, а во второй раз теперь, когда они стали жертвами дискриминации, поскольку их не допустили к процессу переселения. Они едва сдерживают гнев и обиду.

Банту не терпится уехать поскорее, пока не случилась беда. Один из старейшин взволнованно убеждает сотрудницу УВКБ ООН по вопросам защиты Линьмэй Ли: “Это нехорошее место, здесь опасно. Даже если мы не уедем в Соединенные Штаты, заберите нас отсюда”. Сотрудница пытается подбодрить и успокоить банту, но признает, что не все сомалийские банту смогут переехать в США. Некоторым придется остаться.

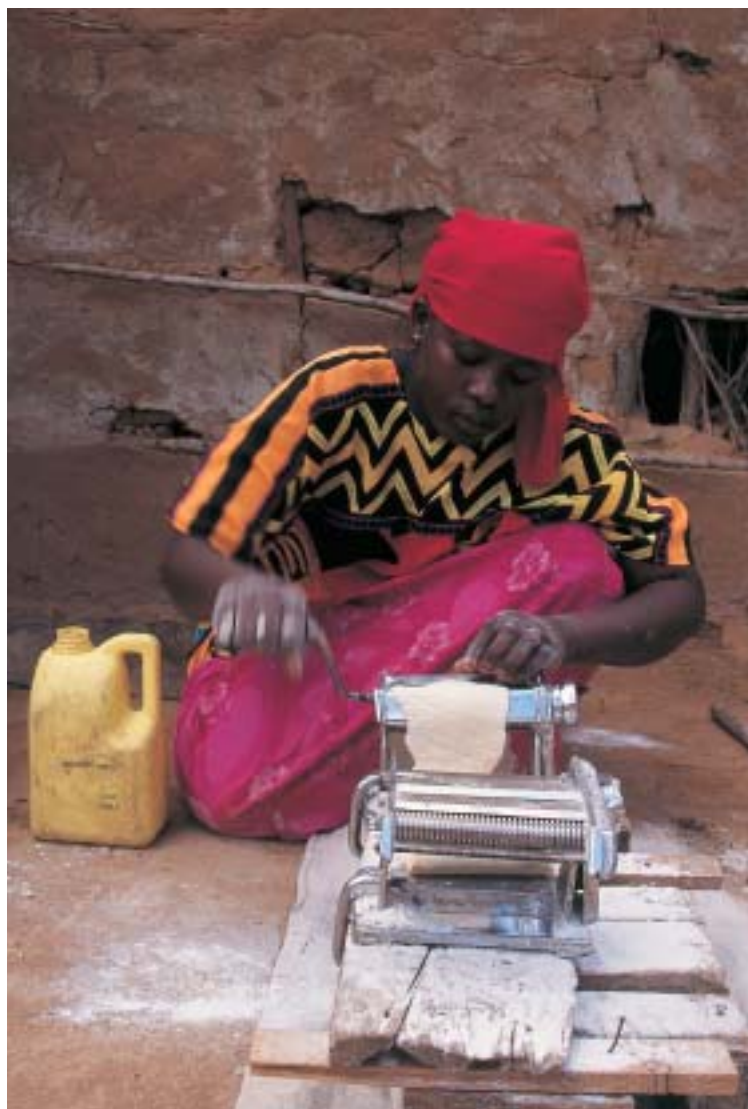

UNHCR/B. PRESS/CS-KEN-2002

UNHCR/R. WILKINSON/CS-KEN-2002

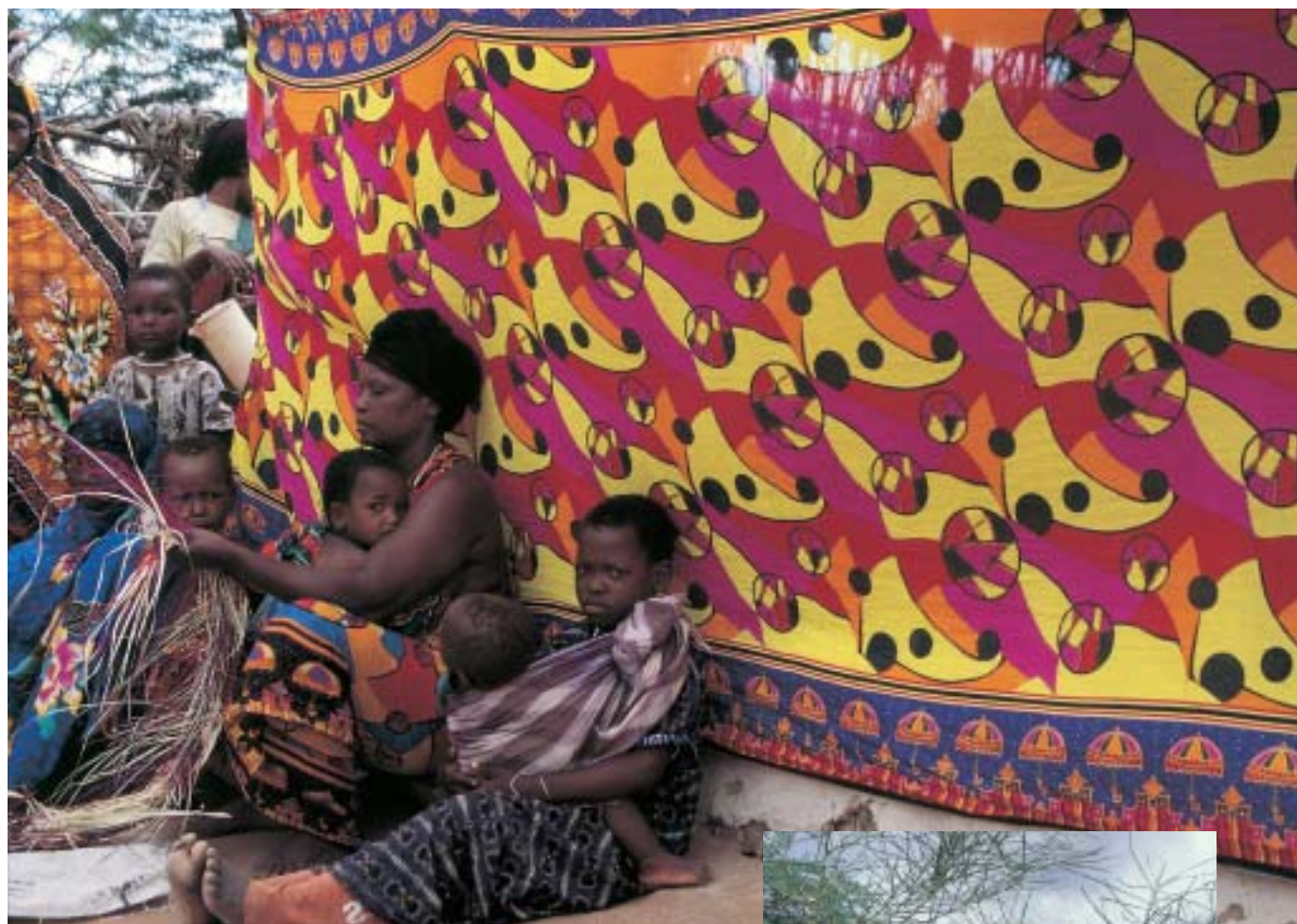
Лагерный быт:
так готовится
пища.

UNHCR/B. PRESS/CS-KEN-2002

UNHCR/B. PRESS/CS-KEN-2002

UNHCR/R. WILKINSON/CS-KEN-2002

Лагерный быт: приготовление пищи, учеба, плетение корзин, разговор соседок.

UNHCR/R. WILKINSON/CS-KEN-2002

В поисках решения

С момента своего прибытия в Кению мушунгули (банту) ясно дали понять сотрудникам по делам беженцев, что никогда не вернутся в Сомали, утверждая, что там их и дальше ждут преследования, а возможно, и смерть.

УВКБ ООН согласилось с их доводами. В подобных обстоятельствах оно пытается найти для таких людей новое место жительства в других странах.

В случае с сомалийскими банту это привело к весьма непростым поискам нестандартного решения, которые растянулись на целое десятилетие.

Сначала агентство обратило свой взор на историческую родину банту в юго-восточной Африке. В 1993 г. правительственная делегация Танзании посетила беженцев и убедилась в том, что сомалийские банту имеют много общего с живущими в Танзании племенами: в музыке, танцах, обычаях охоты и сбора урожая, калечащих операциях на

женских половых органах и в религиозных церемониях.

Тем не менее три года спустя Танзания отказалась принять банту, поскольку у нее хватало собственных проблем.

В 1994 г. эту восточноафриканскую страну наводнили сотни тысяч других беженцев, спасавшихся от геноцида в соседней Руанде. Погодные условия, вызванные Эль-Ниньо, нанесли серьезный ущерб сельскому хозяйству.

Решение Танзании, не направленное против банту как таковых, лишь в очередной раз свидетельствовало о превратности судьбы беженцев и о том, сколь тонка порой грань, отделяющая начало новой жизни от обречения на пожизненное изгнание.

“У нас просто руки опустились, когда мы узнали

об этом решении, – вспоминает Абдуллахи Али Ахмед. – Танзанийцы очень похожи на нас. Мы ощущали себя братьями. А потом нас бросили на произвол судьбы”.

В 1997 г. УВКБ ООН предприняло новую попытку, на этот раз обратившись к правительству Мозамбика. Официальная делегация последнего провела три дня в Дадаабе, расспрашивая банту об их языке, этнической истории, о том, как беженцы отмечают наступление зрелости девочек, и т. п.

Два года спустя банту получили от Мозамбика ответ. Как и в случае с Танзанией, это был отказ. Согласно официальному сообщению УВКБ ООН, Мапуту “более не проявляет интереса к этому вопросу, ссылаясь на то, что прием столь большого числа беженцев может послужить ложным политическим сигналом, особенно если учесть неразрешенные послевоенные проблемы его собственного перемещенного населения” после жестокой гражданской войны, которая шла в этой стране в 1990-х гг.

Далее в сообщении указывалось, что положительное решение “создало бы нежелательный прецедент, который может спровоцировать появление очередного потока лиц, исторически происходящих из Мозамбика, которые могут захотеть вернуться туда из соседних стран”.

Для Африки это не надуманная проблема. За прошедшие два столетия миллионы людей были согнаны с обжитых мест в результате вооруженных конфликтов и стихийных бедствий. Часть из них ассимилировались, но многие так и остались маргинальными группами меньшинств, поэтому когда-нибудь они, возможно, также задумаются, а не вернуться ли им к своим корням, на родину предков.

Однако все это было слабым утешением для обескураженных банту. “Сначала от нас отказались танзанийцы, теперь Мозамбик, – сетует Абдуллахи. – Все они бросили нас на произвол судьбы, у нас нет дома, нет будущего”.

Когда УВКБ ООН обратилось затем к правительству США, “мы особенно не тешили себя надеждой, – сказал лидер общины банту. – Если наши братья отказались от нас, то чего ждать от американцев? Нас ничего не связывает с этой страной”.

США входят в число 17 стран мира, которые ежегодно принимают установленное число беженцев на постоянное жительство в дополнение к отдельным лицам или группам, которые могут искать убежища самостоятель-

но. Важным критерием для этих стран, принимающих переселенцев, являются полная незащищенность беженцев и невозможность для них безопасного и мирного возвращения домой.

За последние годы в рамках этой программы Соединенные Штаты приняли более 3 тыс. так называемых “потерянных мальчиков” из Судана (журнал “Беженцы”, № 122) и согласились на той же основе рассмотреть ситуацию с сомалийскими банту.

Торговля людьми

Несмотря на прорыв, достигнутый в решении этого вопроса, будущее по-прежнему таит много неясностей и трудностей.

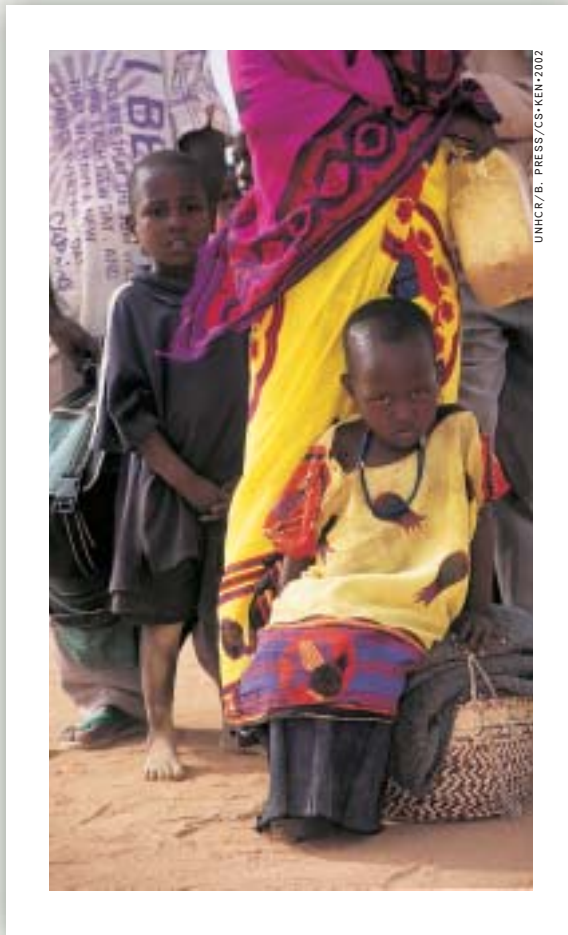
Торговля людьми разрослась до масштабов глобального бизнеса, приносящего многомиллиардные прибыли, да и сами программы переселения беженцев оказались под его прицелом, как выяснилось в результате разоблачения нескольких мошеннических операций, в которых участвовали официальные лица, продававшие столь желанные для беженцев места тем, кто больше заплатит.

Вашингтон и УВКБ ООН прекрасно сознавали, что еще один широко известный проект, предусматривающий столь много мест, лишь привлечет внимание потенциальных торговцев и бесчисленное множество лжебеженцев.

Как решить, кто из беженцев действительно имеет право на предоставляемую им новую жизнь?

Когда беженцы в спешке покидают свой дом, они редко берут с собой свои настоящие паспорта или другие удостоверяющие личность документы, поскольку это может быть опасным. Данная проблема значительно усложнилась в Сомали, где лишь немногие мирные жители вообще имели хоть какие-нибудь официальные документы.

Добравшись до Дадааба, они были вынуждены и заново строить свою жизнь, и заново оформляться. Были составлены регистрационные списки. Продовольственные карточки приобрели особую ценность не только потому, что по ним получали продукты питания, но и в силу того, что они выполняли функцию главного удостоверения личности. Конечно, и то и другое можно подделывать, коль скоро ставка так высока – новая жизнь в Америке.

В конце прошлого года УВКБ ООН начало тщательную проверку, продлившуюся целый месяц, с тем чтобы выяснить, кто из десятков тысяч беженцев в Дадаабе действительно имеет право на переселение.

Когда в 1997 г. появилась надежда на то, что Мозамбик, возможно, примет банту, работающие на местах сотрудники потратили немало сил на составление трех списков беженцев, желающих уехать.

Было принято решение принять эти первоначальные списки за основу для проверки беженцев, отбираемых для отправки в Соединенные Штаты, отчасти потому, что первыми заявителями, по всей видимости, были подлиннее банту, а не мошенники, которые лишь теперь захотели обрести новое отечество в Америке, поскольку оно куда более привлекательно, чем то, что ожидалось прежде.

В Дадааб прибыла группа из 50 человек для проведения проверки. С целью поддержания порядка были привлечены дополнительные силы полиции. Первая задача группы заключалась в том, чтобы тщательно изучить тысячи потрепанных, написанных от руки контрольных списков. Затем нужно было исправить и дополнить списки, первоначально составленные для Мозамбика и объединенные теперь в единый общий список, в том числе внести данные о новорожденных и вычеркнуть умерших.

Общине банту в Дадаабе, которая была основным объектом переселения, было сказано: "Приведите всех членов своих семей и принесите все документы; будьте готовы отвечать на конкретные вопросы в отношении каждого члена семьи; не указывайте вместо членов своих семей других лиц; не продавайте продовольственные карточки". Каждый заявитель должен был пройти индивидуальную проверку.

Ежедневно уже в 3 часа утра до тысячи человек начинали выстраиваться в очередь для прохождения проверки. "Несомненно, по меньшей мере половина группы, ожидавшей транспорта, который доставлял их к месту проверки, были сомалийскими беженцами, а не банту", — вспоминает руководитель проекта УВКБ ООН Эндрю Хопкинс. На этом этапе проверки было отсеяно около 10 тыс. человек.

Тем не менее всеми правдами и неправдами участвовать в проверке удалось и другим людям. Банту, кото-

рые еще до этого уехали из Дадааба, продавали свои продовольственные карточки любому, кто был готов купить эти драгоценные документы. Семьи, которые располагали несколькими продовольственными карточками, выданными на отдельных лиц, продавали часть этих "лишних" документов сомалийцам. Некоторые старейшины банту пытались манипулировать процессом отбора и нажиться, используя неожиданно предоставившуюся возможность.

Сомалийцы разбавляли большие группы банту членами своих семей. Впоследствии банту будут утверждать, что их к этому принуждали и что при первой же возможности они разоблачали такие мошеннические действия перед сотрудниками УВКБ ООН. Очевидно, одна-

ко, что некоторые банту охотно участвовали в махинациях.

Некоторые изображали супружеские пары, но, когда их опрашивали порознь, оказывалось, что у них различные родственники, и вообще их показания не совпадали.

Ложные заявления порой были "столь примитивными, что делавшие их люди зачастую не могли даже вспомнить или произнести имя человека, за которого пытались себя выдать, — сообщалось

впоследствии в официальном отчете о проверке. — Собеседования часто заканчивались слезами". Эндрю Хопкинс лаконично подытожил: "Эти люди просто не умеют лгать".

Проверка тяжело далась всем: желающим уехать банту, получившим отказ сомалийцам, да и самой группе проверки, которая "вконец измоталась".

В конечном счете собеседование прошли почти 14 тыс. человек. Когда этот номер журнала готовился к печати, документы на примерно 11 585 человек были одобрены для передачи властям США, а почти 2 тыс. человек получили отказ, после того как их заявления были тщательно проверены.

"Когда началась эта последняя по времени проверка, мы особенно не тешили себя надеждой, — сказал Абдуллахи. — И все же надежда сбылась, и мы на радостях много танцевали. Да, уж потанцевали мы от души".

Тем не менее осталось много нерешенных проблем, поэтому сотни людей все еще не знают, как сложится их дальнейшая судьба.

Годы идут, и дела банту рассматриваются снова и снова.

Две истории — две судьбы

Когда в начале 1990-х гг. большинство беженцев из Сомали устремились в Кению, несколько тысяч других банту повторили путь своих предков-рабов.

Эта вторая, малочисленная группа, спасаясь от войны на множестве разнообразных плавсредств, бежала в район в окрестностях танзанийского порта Танга на северо-востоке страны, откуда в XVIII и XIX вв. их предков на кораблях увозили в рабство.

Сегодня этим двум группам банту, оказавшимся в Кении и Танзании, уготовано совершенно разное будущее.

В то время как почти 12 тыс. банту, которые вот уже десять лет живут в лагерях беженцев, сегодня предвкушают новую жизнь в Соединенных Штатах, примерно 3300 их сородичей в Танзании ведут традиционный сельский образ жизни, который мало изменился за прошедшие века.

Разная судьба тех и других была предопределена в тот момент, когда они были вынуждены покинуть родные места, спасаясь от жестокой гражданской войны и хаоса в Сомали.

Банту, добравшихся до Кении, разместили в хаотично разраставшихся, но обособленно расположенных лагерях, где они целое десятилетие владели жалкое существование, находясь на иждивении международного сообщества. Казалось, что у них нет и не может быть никакого реального будущего, поскольку их дважды – в Танзании и Мозамбике – отказались принять на поселение, как вдруг перед ними забрезжила “американская мечта”, круто изменившая их судьбу.

Вскоре в Танзанию прибыла “другая” группа беженцев, которых правительство страны разместило в Мкую, в поселке, где прежде жили местные чиновники. Большинство вновь прибывших были потомками племени зигуа, которое и теперь живет в этом районе, но среди них были также представители сомалийского народа вамахаи, не принадлежащего к банту и не имеющего каких-либо исторических связей с Танзанией.

Эти беженцы получили возможность ассимилироваться с местным танзанийским населением, они легко вошли в неизменный ритм жизни, который определялся ежегодными сезонами дождей, выращиванием кукурузы и кассавы, сбором дров для приготовления пищи и разведением коз.

Прибывшие из Сомали по-прежнему говорят на диалекте зигуа, на котором говорят и танзанийцы, а также на прибрежном диалекте языка суахили. Все они испо-

ведуют ислам и придерживаются многих схожих культурных традиций, в том числе практикуют калечащие операции на женских половых органах и сохраняют за мужчинами право иметь четырех жен.

Эти беженцы, как представляется, пребывают в “счастлимом неведении” относительно поразительных перемен в судьбе их сородичей в Кении, но тоже надеются на лучшее, хотя и совершенно иное, будущее.

Правительство Танзании выделило банту территорию площадью примерно 5100 акров – с зарослями, речками, ручьями и пахотными землями – в районе Чого, примерно в 80 км от их нынешнего поселения, в самом центре тех мест, откуда их предки отправлялись в рабство.

UNHCR / B. PRESS / CS-KEN-2002

В последние два года местные органы власти и агентство ООН по делам беженцев занимались обустройством выделенной для беженцев территории в рамках проекта стоимостью 2 млн. долл., строили медпункты и полицейские участки, школы, площадки для игр и спортплощадки, магазины, рынки и водоразборные колонки как для беженцев, так и для местного населения.

Первая группа крестьян в этом году сможет вовремя приступить к сельскохозяйственным работам, чтобы успеть до осеннего сезона дождей, а большинство беженцев, как ожидается, придут до конца года. Приблизительно в это же время сомалийские банту, оказавшиеся в Кении, отправятся в долгое путешествие в Соединенные Штаты.

Для одной группы беженцев многовековой цикл миграций и переселения совершил полный оборот и замкнулся. Для второй группы вот-вот начнется новая, неведомая жизнь.

Полет к свободе

Понедельник. В обратном отсчете дней до переезда в лагерь Какума объявлен день Д – однодневная готовность. В очередной раз начинаются “самые-самые последние” проверки в лагере Дадааб. В одной семье в списке значатся девять человек, но вдруг отец семейства заявляет, что есть десятый – племянница. Без нее он не поедет. Если проблема не будет решена, не поедет, по-видимому, никто из этой семьи. В данном случае вопрос был благополучно разрешен, поскольку ее имя отыскалось в отдельном списке.

В другой семье, наоборот, не хватает одного человека. И тут все утряслось, когда выяснилось, что он недавно скончался, но никто не сообщил об этом сотрудникам УВКБ ООН.

Большинство банту, как и сомалийцев, мусульмане, и мужчинам разрешается иметь несколько жен, что противоречит американскому законодательству. Некоторые из беженцев уже урегулировали эту проблему, так сказать, “в частном порядке”.

Имена жены и ребенка Абди Фатаха Нура уже внесены в список отъезжающих в Америку. Его имени там нет. Он отсутствовал в Дадаабе, когда проводилась проверка, поэтому его имени нет в сводном списке подлежащих отправке лиц. Он подавал ходатайство, но до сих пор так и не знает, разрешат ли ему выехать в Какуму или же придется остаться в этом лагере.

На урегулирование этих нерешенных проблем могут уйти месяцы нелегкой работы, которая будет сопровождаться нервозностью и подчас жестоким разочарованием.

Окончательное решение о том, кому будет разрешен въезд в страну, будут в предстоящие месяцы принимать сотрудники Службы иммиграции и натурализации США (СИН), исходя из списка УВКБ ООН.

Правда, из-за чрезмерной близости Дадааба к беспокойной сомалийской границе и возможности возникновения беспорядков среди его многочисленного сомалийского населения этот окончательный отбор будет проводиться в относительно более безопасном лагере Какума.

На перевозку беженцев, их проверку и оформление документов потребуется более 5 млн. долл. США. Международная организация по миграции (МОМ) не только взяла на себя перевозку беженцев, но и строительство 2200 единиц жилья из необожженного кирпича под оцинкованной крышей стоимостью 150 долл. США каждая для временного размещения банту в Какуме. Крошечные строения призваны служить лишь временным убежищем, но и это – существенный прогресс по сравнению с прежними хибарами, в которых люди ютились годами. Разительный контраст между ними – еще одна из аномалий жизни в лагере беженцев.

Подъезжают четыре автобуса, на которых большинство банту должны быть доставлены в Какуму, это три дня пути по бездорожью в тряских развалах. Они ждали этого момента 10 долгих лет, но теперь умудряются за 30 минут погрузить в автобусы все свое имущество.

Перед посадкой в автобус молодые матери получают последний инструктаж по пеленанию младенцев. Никог-

да раньше на младенцев банту не надевали этих незнакомых вещей, и многие матери хихикают во время демонстрации пеленания, а их дети явно напуганы.

Гуманитарные работники, сопровождавшие предыдущую колонну, были озадачены, когда в конце поездки выяснилось, что все пеленки сухие. Оказывается, матери, так и не уяснившие себе их назначения, в нужный момент снимали пеленки, чтобы они оставались сухими.

Женщин на последних месяцах беременности (их 44), их детей и больных доставляют в Какуму по воздуху старым винтовым самолетом, чтобы избавить от долгой поездки на автобусе.

Никто из них никогда не видел самолета вблизи и не летал на нем, однако они проявляют скорее сдержанное любопытство, чем страх. Находясь под впечатлением лекции о том, как пользоваться пеленками, и памятуя, что на борту самолета нет туалета, одна беременная женщина спрашивает: “А что делать, если я захочу в туалет?” “Терпите”, – советует сопровождающая их медсестра.

Когда “Андовер” начинает с грохотом разбегаться по грунтовой взлетно-посадочной полосе, женщины закрывают лица головными платками, но в общем держатся хорошо. Одна из них укачивает близнецов, которым всего две недели от роду.

Все пассажиры остаются на своих местах. После часа полета одна из женщин решается спросить: “Самолет так грохочет, почему же мы не взлетаем?” Другая соглашается: “Да, мы все еще на земле”.

Никто из них не подозревает, что они летят, а горы, реки и озера, которые им видны в иллюминаторы, находятся далеко внизу.

“О, да мы, должно быть, уже очень высоко!” – восклицает наконец одна из женщин. Другая изумляется: “Здесь на высоте можно, кажется, ходить так же, как на земле”.

Когда самолет приземляется в Какуме, маленьких детей на руках передают через люк в хвостовой части самолета ожидающим гуманитарным работникам. Женщины спускаются по шаткому трапу и весело идут навстречу будущему, совершенно не похожему на жизнь, с которой они расстались всего пару часов назад.

АМЕРИКА, АМЕРИКА

“Мы все неграмотные, но мы будем учиться”, – говорит 40-летний Мохаммед Яроу о своем будущем в Америке. Чем он там будет заниматься? “Буду выполнять любую работу”, – отвечает он. – Где поселят, там и буду жить. Есть будем то же, что едите вы”, – отвечает он на дальнейшие вопросы.

“Мы очень легко приспосабливаемся ко всему, – добавляет он. – Через несколько месяцев мы впишемся в новую жизнь, какой бы она ни была. Нашим предкам из банту пришлось сделаться сомалийцами. Чем мы хуже?”

Его жене показывают фотографию кухонной плиты. Она качает головой: “Кто бы в Сомали дал нам такую?” Она никогда не слышала о закусочных “Макдоналдс”, пицце или кока-коле. “Но я научусь готовить из тамошних продуктов”, – говорит она.

На вопрос о пользовании смывным туалетом другой беженец отвечает: “В Сомали такие туалеты есть только у богатых. Мы научимся пользоваться ими”.

Возможно, как и предыдущие поколения иммигрантов, банту связывают с новой родиной такие же мечты и верят, что преодолеют любые препятствия.

Мохаммед Яроу хочет стать летчиком или, по крайней мере, чтобы летчиками стали его сыновья. Другой отец слышал, что один афроамериканец является в США государственным деятелем (госсекретарь Колин Пауэлл), знает, кто такой Кофи Аннан, и хочет, чтобы его сын стал Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций.

Все банту говорят о безопасности, свободе и образовании для своих детей – о том, чего они были лишены прежде. Полупарализованного Муссу Кумулу Мохаммеда радует то, что в Америке есть врачи, которые, быть может, вылечат его.

Дети тоже оживляются, и когда высоко над ними пролетает другой самолет, кто-то спрашивает: “А в Америку мы полетим на том самолете?”

Некоторые банту лишь мельком впервые видели снег во время переезда из Дадааба в Какуму, когда они издали заметили белую, покрытую снегом вершину горы Кения.

Это может стать для них предвестником суровых зим, с которыми придется столкнуться в Соединенных Штатах (о том, где именно они будут жить, им скажут только перед самым отъездом из Кении), но пока что они не могут представить себе, что такое сугробы, метели и минусовые температуры.

“Их жизнь начинается с чистого листа, – говорит сотрудник по делам беженцев с удивлением. – Пока что Америка для этих беженцев словно большая черная дыра”.

В Какуме гораздо меньше сомалийцев, чем в Дадаабе, и они скорее смирились, нежели злобствуют по поводу того, что упустили свой последний шанс на лучшую жизнь. Халиф Хассан Варсеме, исполняющий обязанности руководителя сомалийской общины в Какуме, грустно говорит: “Мы не имеем ничего против банту, которым предоставилась такая возможность. Но мы хотели бы того же самого. Мы тоже должны думать о своем будущем, но у нас, по-видимому, будущего нет”.

А вот перед Абдуллахи Али Ахмедом открывается будущее, о котором он не смел и мечтать. “Вернуться в Сомали – все равно, что попасть из огня да в полымя, – говорит он. – Отъезд в Америку – это мечта. Это выбор между преисподней и раем”.

СОМАЛИЙСКИЕ БАНТУ

UNHCR / B. PRESS / CS-KEN-2002

В последнюю минуту: учимся пользоваться пеленками.

UNHCR / B. PRESS / CS-KEN-2002

**Взвешивание
малышей в лагере
беженцев в Какуме.**

UNHCR / B. PRESS / CS-KEN-2002

Посадка в автобус:
впереди
долгий путь.

СОМАЛИЙСКИЕ БАНТУ

UNHCR / R. WILKINSON / BW-KEN-2002

Первый в жизни
сомалийских
беженцев-банту
полет.

UNHCR / R. WILKINSON / BW-KEN-2002

UNHCR/B. PRESS/CS-KEN-2002

Мечтая о новой жизни.